

Принимая во внимание отличия в предмете и методе регулирования чисто предпринимательской деятельности как института гражданского права и хозяйственных правоотношений, регулирующих более широкий их круг, включая отношения организационного характера и государственного регулирования предпринимательства, представляется логичным разграничивать гражданское право, регулирующее предпринимательскую деятельность (per se) и хозяйственное (торговое) право, как это принято в Германии, Франции, Испании и др. странах. Следует принимать во внимание, что в условиях возложения на Россию экономических санкций и актуальности импортозамещения безусловно возрастает роль государственного регулирования предпринимательской (хозяйственной) деятельности.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022).
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Около 57000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – Изд. 9, испр. и доп. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 847 с.
3. Российское предпринимательское право: учебник / Д.Г. Алексеева [и др.], отв. ред И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. – М.: Проспект, 2010. – 1072 с.

УДК 346.37

Е. В. Парукова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРА

Статья посвящена вопросам защиты прав инвесторов в контексте общей защиты прав субъектов хозяйствования, гарантированности и процессуальной защиты прав и интересов субъектов инвестиционной деятельности. Проводится анализ правовых норм хозяйственного процессуального и гражданского процессуального законодательства, регламентирующих процессуальные гарантии защиты прав инвесторов. Исследован вопрос об эффективности функционирования института доказательств при рассмотрении инвестиционных споров и др.

Согласно законодательству Республики Беларусь, государство гарантирует инвестору право собственности и иные вещные права, а также имущественные права, приобретенные законным способом; равенство прав, предоставляемых инвесторам независимо от их формы собственности при осуществлении инвестиционной деятельности; стабильность прав инвестора по осуществлению инвестиционной деятельности и ее прекращению; право самостоятельно определять и осуществлять все действия, вытекающие из владения, пользования и распоряжения объектами и результатами инвестиционной деятельности.

Законом Республики Беларусь «Об инвестициях», в частности, ст. 5 предусмотрено также, что инвесторам гарантируется осуществление защиты прав и законных интересов в суде и иными способами, предусмотренными законодательством Республики Беларусь, в том числе международными договорами Республики Беларусь [1]. Такие гарантии находят свое нормативное закрепление не только в национальном законодательстве Республики Беларусь, но и в международных договорах, ратифицированных Республикой Беларусь. К примеру, Республикой Беларусь подписаны Конвенция о защите прав инвестора (28 марта 1997 г.), Соглашение о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности (24 декабря 1993 г.), а с 1992 года Республика Беларусь присоединилась к Конвенции «О порядке разрешения

инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами» (18 марта 1965 г.) и Сеульской конвенции «Об учреждении Многостороннего Агентства по гарантии инвестиций» (11 октября 1985 г.) и др. При этом под способами защиты прав инвесторов принято понимать меры правоохранительного характера, применение которых направлено на возобновление имущественного положения инвестора и устранение преград в реализации его прав и законных интересов.

Одной из процессуальных гарантий защиты прав инвесторов можно признать установленный ч. 1 ст. 175 Хозяйственного процессуального кодекса (далее – ХПК) общий срок рассмотрения судом первой инстанции экономического дела – не более двух месяцев со дня вынесения определения суда, рассматривающего экономические дела, о назначении дела к судебному разбирательству. Частями 2-4 ст. 175 ХПК также предусматриваются меньшие (не более 1 месяца) и большие сроки (не более семи месяцев), а также исключительные (до одного года) сроки рассмотрения экономического дела. Более того, ХПК предусматривает возможность продления указанных сроков, что является оправданным, т.к. экономические дела являются очень объемными и сложными для рассмотрения.

В хозяйственном процессе, в отличие от гражданского, содержится такое понятие, как сформулированное в ст. 100 ХПК «раскрытие доказательств». Иными словами, каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть перед другими лицами, участвующими в деле, доказательства, на которые ссылается как на основание своих требований и возражений, до завершения подготовки дела к судебному разбирательству или в пределах срока, установленного судом, рассматривающим экономические дела, если ХПК не предусматривает иного.

В силу ст. 169 ХПК подготовку дела к судебному разбирательству завершает проведение подготовительного судебного заседания. Иными словами, все доказательства необходимо раскрыть не позднее проведения подготовительного судебного заседания, если суд не определил более поздний срок.

При этом, в случае защиты прав инвесторов в экономическом суде Республики Беларусь немаловажным является вопрос о том, кто должен раскрывать доказательства от имени Республики Беларусь, а также объем данной информации, т.к. большой ее массив может составлять государственная тайна. Считаю логичным предположить, что представительство Республики Беларусь и раскрытие информации должно осуществляться органом государственного управления, подписавшим инвестиционный договор от имени государства (его представителем).

Вместе с тем, основная проблема на пути эффективного функционирования института раскрытия доказательств – это отсутствие в ХПК ответа на вопрос, как должен действовать суд, если стороны представят ранее не раскрытые доказательства позже установленного ХПК и (или) судом срока. С одной стороны, поскольку ХПК закрепляет конкретные правила раскрытия доказательств, их необходимо соблюдать. Таким образом, суд должен отказать в приобщении данных доказательств к материалам дела и не исследовать их. С другой стороны, суд обязан вынести законное и обоснованное решение, что невозможно без всестороннего изучения дела, анализа всех относимых и допустимых доказательств.

В ХПК не дается определения понятия объема фактов, подлежащих доказыванию. Структура объема фактов, подлежащих доказыванию, могла бы включать факты, имеющие значение для дела, однако, это и означает предмет доказывания. Вопросы о пределах доказывания и достаточности доказательств для подтверждения фактов, подлежащих доказыванию, находятся в компетенции суда. В случае защиты прав инвестора в объеме фактов, подлежащих доказыванию, должны включаться:

- наличие, законность инвестиционного договора;
- факт нарушения прав инвестора (наличие инвестиционного спора).

Представляется, объем фактов, подлежащих доказыванию, не должен отличаться от предмета доказывания, определение которого возлагается на суд. В том случае, если истец в процессе рассмотрения дела изменит предмет, основание иска или размер исковых требований, то изменится предмет доказывания.

Судебное разбирательство заканчивается вынесением решения по существу дела. Но в силу некоторых обстоятельств суд может окончить дело без вынесения решения. Так, процессуальное право предусматривает две формы такого окончания процесса: прекращение производства по делу (ст. 149 ХПК) и оставление заявления без рассмотрения (ст. 151 ХПК). Данные формы различаются между собой как по основаниям, так и по процессуальным последствиям их применения.

Реализация прав и законных интересов инвестора возможна посредством четкой правовой регламентации и определения подведомственности и подсудности инвестиционных споров.

В силу п. 9 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и абз. 7 ст. 1 ХПК подведомственность представляет собой разграничение компетенции по разрешению споров и рассмотрению дел между Конституционным Судом Республики Беларусь, судами общей юрисдикции, международными арбитражными (третейскими) судами, третейскими судами, иными постоянными арбитражными органами, органами по разрешению трудовых споров и рассмотрению дел, иными органами и организациями. Таким образом, подведомственность разграничивает компетенцию между судами и иными органами (организациями), но не компетенцию (подсудность) между судами внутри самой судебной системы.

Несмотря на включение в единую систему судов общей юрисдикции экономических судов подходы к определению подведомственности и подсудности (судов и экономических судов) стали смешанными. Проанализировав п. 9 ст. 1 ГПК и абз. 7 ст. 1 ХПК, можно сделать вывод, что подведомственность суда общей юрисдикции распространяется и на экономические суды, предполагая единую судебную подведомственность государственных судов – судов общей юрисдикции.

Положения вышеизложенных норм об определении подведомственности дела суду общей юрисдикции не согласуются с нормой ч. 3 ст. 48 ХПК, предусматривающей, что Верховный Суд Республики Беларусь в пределах подведомственности дел судам, рассматривающим экономические дела, имеет право дополнительно определять подсудность дел, принимать к своему производству и рассматривать любое дело. К такому же выводу приводит анализ и других статей ХПК, указывающих о подведомственности споров суду, рассматривающему экономические дела, а не в целом суду общей юрисдикции.

Гражданское процессуальное и хозяйственное процессуальное законодательство содержит легальное определение подсудности, под которой согласно п. 10 ст. 1 ГПК понимается отнесение гражданского дела, подведомственного суду общей юрисдикции, к ведению суда первой инстанции. Также в соответствии со ст. 1 ХПК подсудность – это относимость дела, подведомственного суду общей юрисдикции, к ведению суда, рассматривающего экономические дела, первой инстанции.

Для достижения согласованности правил гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства Т.С. Тарановой было предложено дополнить нормы ГПК и ХПК положениями о предметной подсудности, разграничивающей подсудность общих судов, исходя из критериев правовой природы спора и состава сторон спора [2, с. 310]. Полагаем целесообразным поддержать точку зрения Т.С. Тарановой в контексте рассмотрения подведомственности и подсудности инвестиционных споров. А именно, полагаю целесообразным, что исходя из того, что правовая природа инвестиционных споров основана на предпринимательской деятельности, судебная защита прав инвесторов осуществляется в экономических судах.

Список использованной литературы

1. Об инвестициях: Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Таранова, Т.С. Подведомственность и подсудность гражданских дел / Т.С. Таранова // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 19-20 мая 2016 г.) : в 2 т. / БГЭУ; редкол.: В.Н.Шимов [и др.]. – Минск: БГЭУ, 2016. – Т. 2. – С. 309-310.

УДК 347.441(47)

Е. В. Савчик

(Белорусский государственный университет, Минск)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДОГОВОР ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ С ВЛАДЕЛЬЦЕМ БЛОК-СТАНЦИИ»: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

В работе дается юридическая характеристика договора электроснабжения с владельцем блок-станции на основе анализа источников его правового регулирования. Исходя из научных представлений о сущности договора электроснабжения и выявленной неприменимости к рассматриваемому договору такой характеристики как смешанный, сделан вывод о некорректности его названия и легального определения. Предложены авторские название и определение понятия данного договора.

Договор электроснабжения, опосредующий отношения в области обеспечения потребителей электрической энергией, представляет собой активно развивающуюся договорную модель в гражданском праве большинства стран, входящих в СНГ, но малоизученную в белорусской цивилистике. В качестве одного из пробелов указанного исследовательского поля выступает и определение понятия «договор электроснабжения с владельцем блок-станции», заключаемого между республиканскими унитарными предприятиями электроэнергетики Республики Беларусь (РУП-облэнерго) и владельцами блок-станций.

Понятие, порядок заключения и исполнения рассматриваемого договора закреплены в Правилах электроснабжения, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2011 г. № 1394 (в ред. от 2 июля 2021 г.) (далее – Правила электроснабжения). Так, согласно подп. 3.24 п. 3 указанных Правил под таким договором понимается смешанный договор, который помимо условий договора электроснабжения содержит также условия: а) договора поставки электрической энергии, произведенной блок-станцией (абонентом), в сеть РУП-облэнерго (энергоснабжающей организации); б) договора оказания услуг по передаче и распределению электрической энергии в части транзитного перетока электрической энергии, произведенной блок-станцией, через сети РУП-облэнерго к другим объектам электроснабжения, принадлежащим владельцу блок-станции; в) ответственности сторон договора за соблюдение его условий.

Правила электроснабжения также устанавливают, что при заключении договора электроснабжения с владельцем блок-станции РУП-облэнерго выступает в роли энергоснабжающей организации, а владелец блок-станции – абонента (подп. 3.57 п. 3). Проблемность данного положения обусловлена тем, что оно не коррелирует с понятием договора электроснабжения, которое закреплено в подп. 3.23 п. 3 этих же Правил, и из определения которого следует, что договор электроснабжения по своей правовой